

Посвящается Уне

Пролог

Моя ма любила рассказывать всякие байки про папашу. Сначала он был принцем с берегов далекого Нила. Принц очень хотел жениться на ней и в Ирландии навеки поселиться, да только его семья взбунтовалась, заставила вернуться домой и женила на какой-то арабской принцессе. Ма умела закрутить интригу. На изящных пальцах сияют аметисты, принц кружит ее в танце под цветные всполохи, а пахнет он хвоей и пряностями. Взмокшая, я лежу под одеялом — дело происходит зимой, но батареи шпарят всюю, а окна в квартире не открываются — и впитываю эту историю, пряча ее как можно глубже. Я еще совсем маленькая. Эта небылица позволила мне годами задирать нос, пока в восемь лет я не поведала историю своей лучшей подруге Лизе, и ее идиотский хохот разбил легенду вдребезги.

А спустя несколько месяцев, после того как все во мне перестало гореть огнем, я объявилась на кухне, руки в боки, и потребовала правды. Ма и глазом не моргнула — выдавила на губку еще немножко «Фейри» и сообщила, что он был студентом-медиком из Саудовской Аравии. Она познакомилась с ним, когда училась на курсах медсестер. Этот сюжетец тоже был насыщен волнующими деталями. Тут тебе и тяжелые ночные смены, и усталый смех, и сбитый машиной в темной подворотне ребенок, которого они спасли. А когда она поняла, что кроме того ребенка у нее будет еще и свой, было уже поздно. Папаша убыл на свой Аравийский полуостров, не оставив, разумеется, обратного адреса. Она бросила свой медицинский колледж и обзавелась мной.

Эта мыльная опера тоже продержалась у меня в голове некоторое время. Она мне даже нравилась, втайне я планировала стать первым доктором среди выпускников нашей школы — медицина же у меня в крови. Это продолжалось до тех пор, пока в двенадцать лет меня за какую-то провинность не оставили после уроков. Тут-то я и получила головомойку от ма, и, между прочим, она выпалила, что ей бы очень не хотелось, чтобы я прожила свою жизнь без аттестата. Потому что тогда мне, как и ей, не останется ничего другого, как за гроши убирать чужие квартиры до конца жизни. Все эти нотации я уже слышала раз

двести, но только тут до меня дошло, что для того, чтобы поступить учиться на медсестру, аттестат все же необходим.

В день своего тринадцатилетия, сидя перед тортом, я объявила, что вся эта мутовень мне надоела и я желаю услышать правду. Ма вздохнула и сказала, что я уже достаточно взрослая, чтобы знать все как есть, и сообщила, что он был гитаристом из Бразилии, она путалась с ним пару месяцев, пока однажды он не избил ее до полусмерти. После этого он уснул, а она схватила ключи от его машины и понеслась домой как ополоумевшая летучая мышь — по темным дорогам, залитым дождем, с дергающимся в ритме дворников глазом. Когда он позвонил с извинениями, весь в соплях и слезах, она, может, и приняла бы его назад, ей ведь едва сравнялось двадцать. Но к тому моменту она уже знала про меня. Поэтому просто повесила трубку.

В тот день я и решила, что стану полицейским. Не потому что я хотела стать Женщиной-кошкой и наказать всех злодеев на свете, а потому что моя ма не умеет водить машину. Я знала, что полицейский колледж находится где-то в глуши. Это был самый быстрый способ свалить от ма и избежать бесконечного штопора уборки в чужих квартирах.

В моем свидетельстве о рождении вместо имени отца стоит прочерк, но у меня свои методы. Есть старые друзья, есть базы ДНК. А еще я всегда могу надавить на ма. И я собираюсь давить на нее, пока не вырву что-то, хоть отдаленно напоминающее правду. Нечто, что можно принять за рабочую гипотезу.

Больше я никогда не возвращалась к этой теме. В тринадцать — потому что ненавидела ее за то, что она мне всю жизнь исковеркала своими дрянными рассказами. А когда повзрослела и начала учиться в полицейской школе — потому что поняла, какую цель она преследовала, и поняла, что все ма делала правильно.

1

Мы получили это дело стылým январским утром, когда кажется, что солнце ни за что уже не выползет из-за горизонта. Мы с напарником заканчивали ночную смену — из тех, от которых, как я надеялась, навсегда избавлюсь, перейдя в отдел убийств, — неизбежно тоскливую, предельно бессмысленную, сплошь сводившуюся к писанине. Два подонка решили завершить свой субботний вечер танцами, используя голову третьего подонка в качестве танцпола. Причины этого решения они не могли объяснить никому, даже себе. Мы отыскивали шесть свидетелей. Каждый из них был пьян в сосиску, каждый рассказывал историю, сильно отличающуюся от остальных пяти, и каждый считал, что нам необходимо выкинуть из головы это никому не интересное убийство и срочно заняться расследованием по-настоящему серьезных правонарушений. Например, почему его выкинули из паба, какого хрена ему впарили некачественную травку или с чего это подружка решила его бросить. Когда свидетель номер шесть велел мне выяснить, почему его куколка «походу, свалила», я уже почти ответила: потому что такого кретина и гуманоидом-то не назовешь — и собралась выгнать этих шестерых говнюков на мороз, но, по счастью, у моего напарника куда больше терпения, чем у меня. Это, помимо прочего, и объясняет, почему мы работаем вместе. В конце концов нам удалось вытянуть из четырех придурков показания, которые соответствовали бы не только друг другу, но еще и уликам с места преступления. Теперь одного из подонков ждало обвинение в убийстве, а другого — в нанесении тяжких телесных повреждений. А это значит, что в каком-то смысле добро снова восторжествовало. Правда, в каком именно смысле, я понятия не имею.

Мы завели на подонков уголовное дело и усадились печатать протоколы допросов и свидетельских показаний, чтобы к утру они лежали на столе у шефа. Стив сидел напротив и что-то насвистывал. Обычно, когда я слышу такое, меня так и подмывает учинить свистуну телесные повреждения средней тяжести, но Стив насвистывает что-то очень верное — старое, полузабытое, из детства. И чуть отстраненно, приглушенно. Свист прерывается, когда у него что-то не ладится с

протоколом, и возобновляется, с трелями и переливами, когда писанина возвращается в правильную колею.

Стив, жужжание компьютеров и зимний ветер за окнами. Пустота и тишина. Отдел убийств расположен в Дублинском замке. Прямо в центре города, но чуть в стороне от туристических маршрутов и модных местечек. В нашем здании стены очень толстые. Даже шум утренней движухи с Дам-стрит доносится только мягким, неясным гулом. Стопки отпечатанных протоколов на столах вперемешку с фотографиями и накорябанными записками выглядят так, будто это полностью заряженные гаджеты, которые в любой момент могут быть приведены в действие. За окнами темнота постепенно сменяется предрассветной мглой. В комнате пахнет кофе и горячими батареями. В такие минуты, когда ночная смена катится к концу, мне здесь даже нравится.

Мы со Стивом знаем все формальные причины, по которым нас суют в ночные смены. Мы одиночки — жены, дети и мужья не ждут нас дома. Мы самые молодые в отделе. Мы можем переносить утомление лучше старперов, которым вот-вот на пенсию. Мы в отделе считаемся зелеными новичками. Даже я. Служишь всего два года? Ну и жри полной ложкой. Вот мы и жрем. Это тебе не полицейский участок. Там, если твой начальник козел, ты всегда можешь подать рапорт на перевод. Другого отдела убийств не существует. Он единственный. Если ты хочешь здесь служить, так получай все, что к тебе прилетает. Мы оба хотим.

Некоторые работают в Убийствах еще с тех пор, когда я даже не подозревала о существовании отдела; они проводят свои дни в опасных, как лезвие ножа, интеллектуальных сражениях с гениями-психопатами, точно зная, что лишь шаг отделяет победу от еще одного неопознанного трупа. Но мы со Стивом можем только смотреть на этих психопатов, когда их ведут мимо комнаты для дознаний, где мы в очередной раз пытаемся расколоть какого-нибудь Супруга года из нескончаемой череды домашних насильников, которых с готовностью подсовывает нам шеф — просто чтобы довести меня до белого каления. Мудаки, устроившие танцы на голове, — скорее, приятное исключение.

Стив нажал «печать» и под шуршание принтера спросил:
— Ты закончила?

— Почти.

Я пробежала глазами рапорт, выискивая опечатки. Очень не хочется получить взбучку от шефа из-за пустяка.

Стив заложил руки за голову и потянулся так, что стул под ним жалобно закричал.

— Ну что, по пинте? Ранние заведения уже наверняка открылись.

— Ты что, издеваешься?

— Ну надо же отпраздновать.

Настроение у Стива, похоже, было получше, чем у меня. Подарив ему взгляд, который должен был изменить эту нездоровую ситуацию, я процедила:

— Отпраздновать что?

Он ухмыльнулся. Стиву тридцать три. Он на год старше меня, но выглядит значительно моложе. Эдакий симпатяга из колледжа. Худой, долговязый, рыжие волосы торчат во все стороны. И неумолимая жизнерадостность.

— Мы взяли их. Ты не заметила?

— Даже твоя бабушка справилась бы запросто.

— Возможно. И пошла бы выпить пинту потом.

— Она что, закладывала за воротник?

— Вообще из запоя не выходила. Я всего лишь пытаюсь соответствовать семейным стандартам.

Он вытащил листы из принтера и начал сортировать.

— Да ладно тебе. Пойдем.

— В другой раз.

Праздновать мне не хотелось. Хотелось пойти домой, переодеться, выйти на пробежку, сунуть что-нибудь в микроволновку, немного поразжижать мозги теликом, а потом завалиться спать. И тогда я буду готова к следующему раунду.

Дверь распахнулась, как от пинка, и в комнату заглянул наш суперинтендант О'Келли. По утрам он всегда так делает — чтобы убедиться, что никто не спит на посту. Обычно он приходит весь такой гладкий и розовый, после душа и хорошего завтрака. Зачес на лысине — залюбуешься. Я, конечно, не могу утверждать наверняка, но, по моему, он это делает нарочно, чтобы подразнить бедняг, пропахших ночной сменой и несвежими пончиками из ближайшего магазина. А может, просто характер такой. Этим утром, однако, он выглядел слегка

потрепанным. Мешки под глазами. На рубашке чайное пятно. Его вид хотя бы отчасти компенсировал мне еще одну ночь, проведенную в этой комнате.

— Моран, Конвей, — сказал он, подозрительно оглядывая нас, — есть что-нибудь интересное?

— Уличная драка, — ответила я. — Один пострадавший.

Все так ненавидят ночные смены не только из-за их разрушительного воздействия на личную жизнь, но еще и потому, что по ночам не происходит ничего интересного. Хитроумные убийства с запутанными историями и головокружительными мотивами могут, конечно, случиться и ночью, но известно о них станет только утром. Единственные убийства, которые происходят по ночам и о которых ночью же становится известно, совершаются пьяными мудаками, а единственный мотив пьяных мудаков сводится к тому, что они пьяные мудаки.

— Рапорт будет у вас на столе.

— Ну хорошо, что хоть чем-то занимались. Вы со всем там разобрались?

— Более-менее. Сегодня вечером подчистим все концы.

— Ладно, — сказал О'Келли. — Тогда можете заняться вот этим.

И он протянул нам листок с сообщением о вызове.

На минутку я, ну не дурочка ли, воспарила. Если вызов лег прямо шефу на стол, а не как обычно, через дежурного, попал к нам в комнату, значит, дело серьезное. Значит, речь о чем-то очень важном, или сложном, или деликатном, чего не поручишь просто следующему по списку. Здесь нужны подходящие люди. По одному хмыканью, раздавшемуся из комнаты шефа, парни выпрямляются за своими столами и начинают делать пометки в блокнотах. Один его знак, и мы со Стивом — наконец-то! — соскочим со скамейки вечных запасных и выйдем на поле, в большую игру.

Я сжала руку в кулак, преодолевая желание выхватить у него листок.

— Что это?

О'Келли фыркнул:

— Можешь притушить этот голодный блеск в глазах, Конвей. Я просто подхватил это по пути, чтобы Бернадетте не пришлось мотаться туда-сюда. Патрульные на месте преступления говорят, что

выглядит это как бытовое насилие. Без вопросов. — Он бросил бумажку мне на стол. — Я ответил, что мы, конечно, очень благодарны за помощь следствию, но это вы им сообщите, что и как выглядит. Никогда ведь не угадаешь наперед. А вдруг вам повезет и это серийный убийца.

Просто подхватил по пути — да, как же. О'Келли принес этот листок, чтобы насладиться выражением моего лица. Я не шелохнулась.

— Сейчас придет дневная смена.

— А вы уже здесь. Если у тебя намечается бурное свидание, я бы советовал побыстрее все распутать.

— Но мы работаем над отчетами.

— Иисусе, Конвей! Мне не нужны рассказы Джеймса долбаного Джойса. Давай сюда, что там уже понаписала. И поторопись. Ехать-то в Стонибаттер, а эти козлы снова все перекопали рядом с пирсами.

Секунду спустя я нажала кнопку «печать». Стив, этот жополиз, уже обматывал шею шарфом.

Шеф покосился на график дежурств на доске.

— Нужно, чтобы в этом деле вас кто-то подстраховывал.

Я просто почувствовала, как Стив телепатировал мне: *Сохраняй спокойствие.*

— С бытовым преступлением мы и сами справимся. Занимаемся ими с утра до ночи.

— И кто-нибудь поопытнее научит вас заниматься ими с толком. Сколько времени вы распутывали ту историю с молодой румынкой? Пять недель? И это с двумя свидетелями, которые видели, как ее парень всадил в нее нож. А пока вы копались, пресса и эти, что за права человека, кричали про расизм и, мол, если бы речь шла об ирландской девушке, мы бы уже давно всех арестовали.

— Свидетели не хотели с нами разговаривать.

Взгляд Стива умолял: *Антуанетта, заткнись уже.* Но было поздно. Я подставилась. О'Келли только того и надо было.

— Вот именно. И если они и сегодня не захотят общаться с вами, мне нужен кто-то опытный, чтобы сумел их разговорить. — О'Келли постучал по доске: — Бреслин сейчас застывает. Возьмите его. Он хорошо умеет работать со свидетелями.

— Бреслин занят, — возразила я. — Наверняка у него есть дела поважнее, чем нянчиться с нами и разбазаривать свое драгоценное

время.

— Это точно. Но он поедет с вами. Поэтому не разбазаривайте его драгоценное время.

Стив кивал головой, одновременно изо всех сил транслируя прямо мне в мозг: *Заткнись! Все могло быть гораздо хуже.* И он прав. Могло. Я не стала продолжать дискуссию. Сказала вместо этого:

— Позвоню ему по дороге. — Взяла со стола листок и сунула в карман. — Встретимся с ним на месте.

— Уж будь добра, проследи, чтобы так и произошло. Бернадетта отправит туда судмедэксперта и техников, а я подкину пару практикантов в помощь. Надеюсь, чтобы раскрыть это дело, вам не понадобится вся королевская рать.

Подхватив из принтера мой отчет, О'Келли направился к двери.

— Да, и если не хотите, чтобы Бреслин обсмеял обоих, выпейте по пинте кофе. А то видок у вас...

Хотя почти рассвело, у Замка еще горели фонари. В городе наступало слабое подобие утра. Спасибо, хоть дождя нет. За рекой нас могут поджидать отпечатки обуви или окурки с ДНК. Но как же промозгло и холодно. Свет фонарей едва пробивается сквозь туман, а сырость заползает в тебя и заполняет всего, пока не почувствуешь, что твои кости холоднее, чем окружающий воздух. Ранние кафешки уже открылись. Воздух пах жарящимися сосисками и автобусными выхлопами.

— Хочешь кофе? — спросила я.

Стив лишь плотнее затянул шарф.

— Господи, нет. Чем быстрее мы туда доберемся...

Он не закончил, да и нужды не было. Чем быстрее мы окажемся на месте преступления, тем больше времени у нас будет до того, как там объявится папочкин любимчик и объяснит нам, недоумкам, как все надо делать. Я даже себе не могла объяснить, что меня так раздражает, но то, что Стиву эта ситуация тоже не нравилась, почему-то слегка успокаивало. Ноги у нас обоих длинные, и ходим мы быстро. Вот на ходьбе мы и сосредоточились, устремившись к полицейской стоянке.

Конечно, мы могли взять мою машину или Стива, но этого делать не стоит. В иных районах жители очень не любят полицию, а тому, кто тронет мою «ауди ТТ», я поотрываю руки. В некоторых случаях, и ты никогда не знаешь заранее, в каких именно, приехать на место

происшествия на своей машине все равно что продиктовать своре буйнопомешанных домашний адрес. И в один прекрасный день твоего кота поймают, привяжут к кирпичу, подожгут и швырнут тебе в окно.

Обычно за руль сажусь я. Вожу машину я гораздо лучше Стива и гораздо хуже него веду себя на пассажирском сиденье. А так нам обоим удастся сохранять спокойствие. И сегодня нам это нужно особенно. На стоянке я взяла ключи от замызганного «опель-кадетта». Стонибаттер находится в старой части Дублина. Проживает там рабочий люд, а также люд, не проработавший в своей жизни ни единого дня, и в придачу к ним кучка хипстеров и богемных персонажей. Эти понакупили там квартир во время последнего скачка цен на недвижимость — это ведь очаровательный пяточок доброго старого Дублина. Другими словами, потому что в местах получше они не могли себе позволить купить квартиру. Иногда тебе нужна машина, вслед которой люди будут оборачиваться. Сегодня явно не тот случай.

— Господи, — сказала я, выруливая со стоянки и включая обогреватель. — Я же не могу позвонить Бреслину! Мне же машину вести надо.

Стив ухмыльнулся:

— Вот ведь черт. А мне как раз нужно вчитаться в протокол происшествия. Нельзя же прибыть на место преступления, не имея представления, что там произошло.

Я проскочила на желтый, вытащила из кармана листок и сунула ему:

— Давай! Может, там есть что-то интересное.

Стив принялся бубнить.

Звонок поступил в полицейский участок Стонибаттера в 05:06. Звонивший мужчина не представился. Номер не определился. Значит, не профессионал. Думает, что это ему поможет. Мы выясним номер за несколько часов. Сказал, что на Викинг-Гарденз, в доме 26, ранена женщина. Дежурный спросил, какого рода ранение. Звонивший ответил, что она ударилась головой при падении. Дежурный спросил, дышит ли пострадавшая. Мужчина ответил, что не знает, но выглядит все очень плохо.

Дежурный начал инструктировать его, как определить, жива ли она, но мужчина рявкнул: «Скорее пришлите „скорую“», — и повесил трубку.

— Жду не дождусь повидаться с ним, — сказала я. — Но он, конечно, исчез еще до того, как кто-то приехал, да?

— Естественно. Когда прибыла «скорая», двери были заперты и никто не отвечал. Патрульные взломали дверь и обнаружили в гостиной женщину. Травма головы. Парамедики констатировали смерть. В доме больше никого не было. Следов насильственного проникновения или ограбления нет.

— Интересно, если этот малый хотел вызвать «скорую», почему он позвонил в полицейский участок Стонибаттера, а не по 999?

— Может быть, думал, что по 999 легко отследят номер, а в участке его не засекут?

— Тогда он просто кретин. Вот же на хрен!

О'Келли оказался прав насчет пирсов. Департамент мэрии «Под окном разрыли в пятый раз» перекрыл одну из полос и долбил там отбойником. Улица превратилась в узенькую горловину, забитую машинами. Интересно, у нас бластер в багажнике случайно не завалился?

— Врубай мигалку!

Стив вытащил из-под сиденья проблесковый маячок и установил на крыше автомобиля. Я включила сирену. Помогло это как укол новокаина в деревянную ногу. Все, что могли сделать для нас водители, это подвинуться на несколько дюймов.

— Мать твою, — простонала я. У меня сегодня не было настроения для пробок. — А с чего местные взяли, что это насилие в семье? С ней кто-то живет? Муж, приятель?

Стив еще раз глянул в протокол:

— Ничего об этом не сказано. — Он посмотрел на меня с надеждой. — Может, они ошибаются? Может, это действительно что-то интересное?

— Нет, черт возьми. Они не ошибаются. Может, это даже не домашнее насилие. Может, это ровно то, о чем говорил звонивший, и никто ее не убивал, она просто упала. Потому что если бы кто-то хоть на секунду подумал, что это завалищее, но убийство, то нет ни единого шанса, что О'Келли не дождался бы утренней смены и не отдал бы его Бреслину и Маккэнну или другой парочке жополизов. — Я стукнула кулаком по гудку автомобиля: — Мне что, выскочить из машины и кого-нибудь арестовать?!

Идиот в голове пробки внезапно осознал, что он все-таки за рулем, и двинулся вперед. Остальные машины бросились перед нами врассыпную, и я вдавила педаль газа в пол — по мосту через Лиффи, на северную сторону.

Быстрая езда после отбойника, казалось колошматившего прямо по башке, успокоила. Мимо проносились дома из красного кирпича, стеклянные витрины магазинов, а в разрывах между ними — небо, затянутое серыми и желтоватыми облаками. Я выключила сирену, Стив убрал с крыши мигалку. Он держал ее, всю поцарапанную и замызганную, чуть на отлете, чтобы не испачкаться. В протокол он больше не смотрел.

Мы знакомы со Стивом уже восемь месяцев. Четыре из них работаем напарниками. Познакомились, работая над одним делом. Он тогда служил в Висяках. Поначалу я его невзлюбила, хотя всем остальным он нравился. Но я не люблю людей, которые нравятся всем, да и улыбался он раз в пять больше, чем нужно. Но все это быстро прошло. Когда мы раскрыли то первое дело, он казался мне уже вполне ничего, и я использовала те пять минут, что была на хорошем счету у О'Келли, чтобы замолвить за него словечко. Время я выбрала подходящее. Мне-то напарник на фиг не сдался, но О'Келли начал ворчать, что в его отделе желторотые птенцы не будут работать самостоятельно. Так я заполучила Стива в напарники и ни разу об этом не пожалела, пусть он и ходячая жизнерадостность. Он всегда был очень к месту. И в общей комнате, где мы сидели друг напротив друга, и на месте преступлений, и в допросной. Наш уровень раскрываемости неуклонно шел вверх, что бы там ни говорил О'Келли. И мы чаще отправлялись отметить пинтой раскрытое дело, чем понуро плелись домой. Стив стал не то чтобы моим другом, но где-то близко. Мы уже достаточно хорошо знакомы, однако железной уверенности друг в друге нам пока недостает.

Например, я всегда угадываю, когда он хочет сказать что-то, хотя и молчит.

— Что?

— Не позволяй шефу выводить себя из равновесия.

Я покосилась на него. Стив смотрел на меня в упор.

— Хочешь сказать, что я слишком чувствительна? Ты серьезно?

— Если он считает, что ты недостаточно хороша в работе со свидетелями, это еще не конец света.

Я резко вывернула руль, и мы на дикой скорости влетели в переулочек. Стив, привычный к моей манере вождения, даже бровью не повел.

С трудом сдерживая гнев, я выпалила:

— Это, мать твою, конец света! Слишком чувствительной я была бы, если бы реагировала на замечания Бреслина или какого еще мудилы, на мнение которого о качестве моей работы со свидетелями мне глубоко плевать. Но если О'Келли думает, что нам нужна нянька, это значит, что мы и дальше будем получать эти говенные дела и у нас за плечом вечно будет кто-то маячить. Тебе это нравится?

Стив пожал плечами:

— Бреслин придан нам для поддержки. Дело же ведем мы.

— Нам не нужна поддержка. Нас нужно оставить в покое и дать спокойно работать.

— Рано или поздно это произойдет.

— Да? И когда же?

На этот вопрос Стив не ответил. Я сбавила скорость, и «кадетт» покатился медленнее, с изяществом тележки из супермаркета. В Стонибаттере начиналась суэта воскресного утра. Физкультурники вышли на утренние пробежки, раздраженные подростки тащили гулять своих четвероногих питомцев, жалуясь на несправедливость мироздания. Какая-то девчонка в клубном прикиде, с туфлями в руке, едва не падая, брела по тротуару.

— Если все будет так продолжаться, я свалю из отдела, — сказала я.

На нашей работе люди часто выгорают. Чаще всего в отделах по борьбе с проституцией и наркотиками. Там изо дня в день занимаешься одним и тем же. Ты рвешь себе задницу, чтобы посадить сутенера, но все те же девочки будут стоять все на тех же углах, только крышевать их будет другой говнюк. Все те же торчки будут покупать все те же колеса, только у другого пушера. Затыкаешь одну дырку, а дерьмо уже льется через десять новых. Такое изматывает. В отделе убийств, если ты убрал кого-то с улицы, то потенциальные жертвы останутся живы. Ты борешься с конкретным убийцей, а не со всеми

пороками рода человеческого. Одного убийцу можно победить. Из Убийств люди не уходят. Они работают там до пенсии.

Но два года — не срок для любого отдела.

Мои два года стоят особняком. И дело не в преступлениях, которые мы расследуем. Я могу ловить каннибалов, детоубийц, и сон мой будет безмятежен. Как я уже сказала, каждый раз мы воюем с конкретным убийцей. А вот воевать с собственным отделом куда труднее. Стив достаточно хорошо меня знает и наверняка понимает, что сейчас я не просто выпускаю пар.

Помолчав, он осторожно спросил:

— И чем ты займешься? Вернешься в отдел пропавших без вести?

Ну уж нет. К черту. Я не пячусь назад. У моего школьного приятеля своя охранный фирма. Важные персоны, большие шишки, международная охрана. Не старушка-лифтерша в средней школе. Как-то он сказал, что если мне понадобится работа...

Я не смотрю на Стива, но чувствую на себе его взгляд. Не знаю, что происходит у него в голове, парень он хороший, вот только говорит обычно то, что от него хотят слышать. Если я уйду, ему будет значительно проще найти общий язык с парнями из отдела. Станет своим, будет расследовать настоящие дела и смеяться общим шуткам. Чего еще надо?

— Платят хорошие деньги, — сказала я. — И женщины там нужны. Эти ребята хотят, чтобы их жен и дочерей охраняли женщины. Иногда они и себе хотят женщин-телохранителей. Уж не знаю зачем.

— И ты собираешься ему позвонить?

Я остановилась на макушке Викинг-Гарденз. Сквозь разрывы в облаках сочился слабенький свет, его едва хватало, чтобы осветить серые шиферные крыши и покосившийся уличный фонарь. А это был самый солнечный день за неделю.

— Еще не знаю, — ответила я.

Холмы Викинг хорошо мне знакомы. Я живу в десяти минутах ходу от улицы Викинг-Гарденз. Купила здесь квартиру, потому что действительно люблю Стонибаттер, а не потому что не могу позволить себе что-нибудь попроще. Один из маршрутов моих утренних пробежек пролегает прямо по этим улицам-взгоркам. Честно говоря, название места значительно более захватывающее, чем открывающийся отсюда вид. Грязноватый тупик, расчерченный

коттеджами с террасами в викторианском стиле, которые выходят прямо на тротуар. Низкие крыши, простые шторы, двери светлых тонов. Улица настолько узкая, что все вынуждены парковаться, заезжая двумя колесами на тротуар.

Пора звонить Бреслину. Оттягивать больше нельзя, а то заявится в отдел и шеф начнет интересоваться, какого черта он тут делает. Я позвонила ему на автоответчик в надежде, что это даст нам пару лишних минут. По крайней мере, не придется тратить нервы на пустую болтовню. Я представила дело скучным до зевоты, добавила, что оно не стоит его усилий. Но это, конечно, его не остановит. Бреслину нравится думать, что он Мистер Незаменимый. Такой помчится на мелкое бытовое убийство с той же скоростью, что и на леденящее душу злодеяние серийного убийцы. Ведь он уверен, что бедная жертва будет там просто остывать, пока не явится Бреслин и все не раскроет.

— Пойдем, — сказала я, накидывая ремешок сумки на плечо.

Дом номер 26 находился в дальнем конце улицы. Вокруг была натянута лента с надписью «место преступления». Рядом с домом стояли полицейская машина и микроавтобус судебной лаборатории. Стайка мальчишек, увидев нас, бросилась врассыпную («Бежим, ребзя! Миссус, миссус, арестуйте его, он стащил коробку „Чупа-чупсов“ из магаза!» — «Заткнись, козлина!»). Всю дорогу мы чувствовали на себе их взгляды, а дом из-за тюлевых занавесок бросался в нас вопросами, будто попкорном.

— Так и хочется отдать честь, — прошептал Стив. — Я же могу отдать честь?

— Эй, веди уже себя как взрослый.

Но поток адреналина подхватил и меня, как я этому ни сопротивлялась. Даже если ты уверен, что дрессированный шимпанзе может выполнить твою сегодняшнюю работу, каждый раз, приближаясь к месту преступления, чувствуешь себя гладиатором. Ты выходишь на арену, еще немного — и твое имя произнесет сам император. Потом ты начинаешь осмотр, арена вместе с императором растворяются где-то в туманной дымке, а ты чувствуешь себя еще паршивей обычного.

У дверей стоял полицейский, совсем мальчишка, с длинной жирафьей шеей, фуражка нахлобучена до ушей.

— Детективы. — Он вытянулся, пытаясь сообразить, должен ли отдать честь. — Патрульный Долей.

А может, и не Долей. Чтобы разобрать его акцент, требовались субтитры.

— Детектив Конвей, — ответила я, натягивая перчатки. — А это детектив Моран. Здесь крутился кто-нибудь посторонний?

— Да нет. Только те пацаны.

Ну, с мальчишками мы еще побеседуем. И с их родителями тоже, кстати. Отличительная черта старых районов. Здесь кому-то еще есть дело до других людей. Это нравится далеко не всем, но может очень пригодиться нам.

— Мы еще не обходили соседей. Думали, может, вы, типа, захотите это сделать как-то по-своему.

— Правильно думали, — сказал Стив, тоже доставая перчатки. — Мы найдем, кому этим заняться. Как все выглядело, когда вы прибыли? — Он кивнул в сторону небесно-голубой двери. После полицейского взлома на ней красовалась глубокая трещина.

— Она была закрыта, — торопливо ответил патрульный.

— Это я и сам сообразил, — сказал Стив с улыбкой, которая превращала ответ парня в шутку, пусть и не особо остроумную. — Как именно она была закрыта? На засов, на два поворота ключа, просто прикрыта?

— Ой, простите. — Патрульный покраснел. — Здесь цельных два замка. Тока не один не был заперт на ключ. Просто захлопнуто.

Другими словами, если убийца вышел через дверь, он просто захлопнул ее за собой. Ключи ему были не нужны.

— Сигнализация сработала?

— Нет. Она, типа, и не была включена. — Патрульный показал на коробку, висевшую высоко на стене. — Когда мы вошли, она, походу, и звука не издала.

— Спасибо, — Стив одарил патрульного еще одной улыбкой, — отличная работа.

От этих слов патрульный пошел пятнами. Стив веселился как мог.

Дверь дома приоткрылась, и появилась голова Софи Миллер. У Софи огромные карие глаза и фигура балерины. На ней даже белый комбинезон судебного медэксперта смотрится элегантно. Может, поэтому многие поначалу пытаются морочить ей голову, но только

поначалу. Они очень быстро выясняют, что делать этого не стоит. Софи — один из наших лучших криминалистов, и мы с ней очень симпатизируем друг другу. Увидев ее, я почувствовала большое облегчение.

— Привет. Ну наконец-то.

— Дорожные работы задержали, — ответила я. — Привет. Что у нас тут?

— Выглядит как очередная ссора голубков. Вы что, их по жребии вытаскиваете?

— Ну это же лучше, чем гангстерские разборки, — в тон ей ответила я.

Стив удивленно посмотрел на меня, и я ответила ему спокойным и холодным взглядом. Он, конечно, знает, что мы с Софи дружим, но ему следует также знать, что я не собираюсь плакать на плече у подруги, сетуя на несправедливость, царящую у нас в отделе.

— По крайней мере, в бытовых преступлениях можно найти свидетелей, которые будут готовы с тобой разговаривать. Пойдем глянем.

Домик был очень маленький. Мы сразу прошли в гостиную, она же столовая. Три двери вели из нее, и я даже могла угадать, какая куда. Левая — в спальню. Центральная — на кухню. Правая — в ванную. Планировка в точности как у меня. Декор, правда, сильно отличается. Пурпурный ковер на ламинате, тяжелые пурпурные шторы на окнах, пытающиеся выглядеть дороже, чем они есть, пурпурные подушки, художественно разбросанные на белом кожаном диване, репродукции с пурпурными цветами — комната выглядела так, будто ее купили через телефонное приложение «Декорируй свой дом», в которое ты вводишь свой бюджет и любимые цвета, а на следующий день получаешь все комплектом.

Здесь вчерашний вечер еще не закончился. Шторы задернуты. Верхний свет погашен, зато включены лампы криминалистов, расставленные по углам. Подчиненные Софи заняты делом. Один клейкой лентой собирает волокна с дивана, другой посыпает стол порошком для снятия отпечатков пальцев, третий фиксирует все на видео. В комнате душно, пахнет жареным мясом и ароматическими свечами. Парень, собирающий волокна с дивана, оттянул комбинезон на шее, чтобы хоть немного дать доступ воздуху.

Газовый камин работает на полную мощность, фальшивые угли фальшиво мерцают в и без того раскаленной комнате. Аляповатая каминная полка из камня прекрасно дополняет всю эту безвкусицу. Женщина уткнулась головой в каминный приступок.

Лежит на спине. Ноги чуть согнуты, коленями внутрь. Как будто кто-то просто бросил ее сюда. Одна рука вытянута вдоль тела, другая неловко закинута за голову. Рост примерно метр семьдесят, худощавая, искусственный загар, туфли на высоком каблуке, одета в узкое небесно-голубое платье, на шее массивная цепочка из фальшивого золота, светлые волосы выпрямлены и так щедро залакированы, что даже убийство не смогло испортить прическу. Брошенная Барби.

— Ее идентифицировали?

Софи подбородком указала на столик возле двери. На нем лежало несколько писем и аккуратная стопка счетов.

— Мы полагаем, это Ашлин Гвендолин Мюррей. Квартира принадлежит ей. Среди бумаг — квитанция об уплате налога на недвижимость.

Стив быстро проглядел счета.

— Никаких других имен. Похоже, она жила одна.

Я оглядела комнату, и мне стало ясно, почему всем кажется, что это история про мальчика, который побил девочку. Маленький круглый стол покрыт пурпурной скатертью. На столе две тарелки, две замысловато сложенные крахмальные салфетки, искорки играют на начищенных серебряных приборах, откупоренная бутылка красного вина, бокалы — чистые, высокий подсвечник. Свечи выгорели полностью, воск застыл сталактитами на подсвечнике и каплями на скатерти.

Из-под головы жертвы расплывается огромное пурпурное пятно, темное и липкое. Больше, насколько я вижу, крови нигде нет. Никто не попытался поднять ее, поддержать или встряхнуть, чтобы привести в чувство.

Звонивший сказал, что при падении она ударилась головой. Может, и так. Может, наш герой-любовник запаниковал. Такое случается. Наши добропорядочные граждане настолько боятся нажать себе неприятностей, что иногда действуют так, как не всякий серийный убийца додумается. А может, он помог ей упасть?

— Купер еще здесь? — спросила я.

Купер — наш патологоанатом. Он относится ко мне лучше, чем к большинству моих коллег, но он не станет меня дожидаться. Если вы не успели к месту преступления до завершения предварительного осмотра тела, это ваша проблема, а не его.

— Только что ушел, — ответила Софи. Она внимательно оглядела своих подчиненных. — Сказал, что эта женщина мертва, — на тот случай, если мы не обратили внимания. Поскольку она лежит рядом с обогревателем, то температура тела мало что нам даст. Время смерти установлено крайне приблизительно. Что-то между шестью и одиннадцатью часами вечера.

Стив кивнул на нетронутый стол.

— Я думаю, это произошло до девяти — половины девятого. Если бы это случилось позже, они бы уже начали есть.

— А если один из них работал допоздна? — возразила я.

Стив занес это в свой блокнот. Пусть выясняют прикомандированные умники, после того как мы узнаем, кого здесь ждали.

— Причиной звонка указана травма при падении. Купер проверил, соответствуют ли раны случайному происшествию?

Софи фыркнула:

— Ага, как же. Это такое специальное случайное падение. Ей затылок разнесло вдребезги, а рана точно соответствует углу каминной ступеньки. Вообще-то Купер уверен, что это ее и убило. Но точно он скажет только после экспертизы. А то вдруг она умерла от отравленных стрел перуанских индейцев? Вдобавок у нее обширная гематома на левой скуле, пара выбитых зубов и, вероятно, сломана челюсть. Но этого нам Купер не сообщит, пока она не окажется у него на столе. Чтобы случайно получить такие травмы, нужно падать на камин лицом и затылком одновременно.

— Значит, кто-то ударил ее по лицу, она упала и ударилась головой о камин.

— Расследованием занимаетесь вы, но по мне, именно так оно все и было.

Ногти женщины выкрашены синим лаком — в тон платью. Маникюр идеален, ни царапинки. Ни один ноготь не сломан. Аккуратный ряд фотоальбомов на кофейном столике. Ваза с аккуратно расставленными пурпурными цветами и какая-то замысловатая

статуэтка на каминной полке. Никакой борьбы здесь не происходило. У жертвы не было ни единого шанса дать сдачи.

— У Купера есть какие-то идеи, чем был нанесен удар?

— Судя по синякам — кулаком, — сказала Софи, — и, таким образом, он правша.

Кулак — это значит никакого орудия убийства, с которого можно было бы снять отпечатки пальцев и привязать к подозреваемому.

Подал голос Стив:

— После удара такой силы у него должны остаться ссадины на костяшках. Это не спрячешь. А если нам немного улыбнется удача, то он оставил у нее на лице свою ДНК.

— Это если он ударил ее голой рукой, — сказала я.

— А в такую холодину, как вчера вечером, он вполне мог надеть перчатки. А может, он оставил свою ДНК в ней?

— О чем ты говоришь. — Я кивнула в сторону стола: — Они даже вино не открыли.

— Ну, — бодро воскликнул Стив, — по крайней мере, это убийство! А ты боялась, что нас опять послали расследовать смерть старушки, которая споткнулась о любимого кота.

— Замечательно, но можно мы отложим праздничную вечеринку? Что еще Купер сказал?

— Травмы, характерные при сопротивлении, отсутствуют, — ответила Софи. — Одежда не повреждена. Никаких признаков недавних половых контактов. Следов семени не обнаружено. Короче говоря, о преступлении на сексуальной почве речь не идет.

Стив возразил:

— А может, наш ухажер попытался с места в карьер заняться делом, она ответила отказом, ну он и врезал ей, чтобы не воображала о себе слишком много. Потом понял, что натворил, испугался — и деру.

— Все может быть. Если я скажу, что завершено акта сексуального насилия не произошло, так будет ясней?

До этого Софи только один раз видела Стива и еще не решила, нравится он ей или нет.

— Да и на попытку изнасилования это не тянет, — добавила я. — Он что, зашел и с порога полез ей под юбку? Так ему приспичило, что даже не выпил с ней по бокалу вина? Может, после этого никакое насилие не понадобилось бы.

Стив пожал плечами:

— Может, я и не прав.

Он говорил искренне. Стив, в отличие от подавляющего большинства детективов, не дуется, если напарник начинает возражать, особенно в присутствии такой женщины, как Софи. Это вовсе не значит, что Стив начисто лишен честолюбия. С детективами такого не бывает. Просто Стив не считает, что все время обязан быть мистером Крутым. Из-за этого с ним хорошо работается, это во-первых, а во-вторых, эта черта располагает к нему людей, что бывает очень полезно и чего я иногда опасуюсь.

— Вы нашли ее телефон? — спросила я.

— Да. Вон там, на столе, — Софи указала карандашом, — мы уже сняли с него отпечатки. Так что если хочешь поиграть с ним — вперед.

Перед тем как продолжить осмотр, я опустила на корточки рядом с телом и осторожно, одним пальцем, убрала волосы с лица. Стив присел рядом. Детективы из Убийств всегда так делают. Бросают долгий взгляд в лицо жертве. В этом нет никакой логики. Во всяком случае, для штатских.

Если бы нам требовалось, чтобы вид жертвы напоминал, ради чего мы работаем, любая фотография, сделанная смартфоном, справилась бы с этим гораздо лучше. Если бы требовалось, чтобы наши сердца пылали гневом, нам следовало бы смотреть на раны, а не на лицо. Но мы всегда смотрим в лицо погибшим, даже если от лица мало что осталось. Даже если это полуразложившееся на летней жаре тело, даже если это утопленник, который неделю пробыл в воде, всегда одно и то же — взгляд в лицо. Самые отъявленные козлы из нашего отдела, те, что, глядя на остывающий труп убитой женщины, оценивают ее сиськи по десятибалльной шкале, даже они глянут ей в лицо, отдадут ей эту последнюю почесть.

Где-то под тридцать. Она была хорошенькой до того, как кто-то превратил ее челюсть в сплошной синяк. Не писаная красавица, но очень привлекательная. И видно, что приложила для этого немало усилий — на лице целый вагон косметики, но нанесенной очень профессионально. Подбородок и носик милой девочки, но такие милые очертания приобретаются только ценой изнурительной диеты. В полуоткрытом рту белоснежные зубы, губы пухлые и мягкие. Сейчас этот полуоткрытый рот искажен гримасой, но еще вчера вечером

наверняка выглядел призывно и соблазнительно. Глаза, искусно подведенные, открыты, взгляд устремлен в потолок.

— Я уже где-то ее видела.

Стив поднял голову:

— Да? Где?

— Не помню.

Память у меня в порядке. Стив зовет ее фотографической, я — нет, потому что это звучит так, будто я робокоп, но если я один раз кого-то увижу, то запомню, — и эту женщину я определенно где-то видела. Правда, тогда она выглядела совсем иначе. Моложе и куда более пухленькой — не толстой, нет, а именно пухленькой, — и макияж был скромнее: немного тонального крема чуть темнее ее кожи, тушь и все. И она тогда была шатенкой с вьющимися волосами, собранными в узел. Юбка цвета морской волны, тесноватая, высокие каблуки, на которых она чуть пошатывалась, — впечатление такое, будто ребенок влез во взрослую одежду. Но лицо — чуть вздернутый нос и мягкие, нежные губы — определенно то же.

Она стояла в солнечном свете, тянулась ко мне, выставив ладони вверх. И говорила дрожащим голосом: *Ну пожалуйста, пожалуйста. Мне очень нужно. А я, с непроницаемым лицом, нога на ногу: Что за патетика?* Ей что-то было надо от меня. Помощи, денег, поддержки, совета? А я хотела только одного: чтобы она ушла.

— Может, в связи с работой? — спросил Стив.

— Может.

Бесплодная попытка вспомнить выматывала. Если бы это произошло не в рабочее время, я бы ее просто послала к черту.

— Как только вернемся в отдел, прогоним данные через базу. Если она уже обращалась к нам по поводу домашнего насилия...

— Я никогда не работала в отделе бытовых преступлений. Придется отмотать на несколько лет назад, когда я еще в форме ходила. Да и не...

Я помотала головой. Лучи от фонарей криминалистов шныряли по комнате, обращая ее в какое-то безграничное пространство, таящее неясную угрозу, а нас — в мишени, мечущиеся в поисках укрытия.

Вряд ли бы я выставила ее, явись она ко мне со следами побоев. Полуоткрытые глаза придавали мертвому лицу чуть хитроватый вид. Как у ребенка, жульничающего в игре «холодно — горячо».

Стив поднялся и отошел в сторону, давая мне время успокоиться. Кивком указал на пробивающийся из кухни прямоугольник света и обратился к Софи:

— Вы позволите...

— Валяйте. Только ни к чему не притрагивайтесь. Мы там уже все отщелкали, но пальчики еще не сняли.

Стив протиснулся на кухню мимо криминалистов. Притолока была такой низкой, что ему пришлось пригнуться в дверном проеме.

— Как тебе с ним? — спросила Софи.

— Да нормально. Он не самая большая из моих проблем, это уж точно.

Я опустила волосы на лицо жертвы и встала. Мне не хватало движения. Если отправиться на долгую энергичную прогулку, то наверняка поймаю ускользящее воспоминание. Но если начать выписывать восьмерки по комнате, Софи тотчас выгонит меня. За поведение, не подобающее ведущему детективу.

— Звучит вдохновляюще, — сказала Софи. — Теперь, когда высокие особы изучили обстановку, можем мы наконец-то включить свет?

— Вперед, — согласилась я.

Один из криминалистов включил верхний свет. И комната сразу сделалась еще более унылой. Лампы криминалистов придавали ей хоть какую-то индивидуальность. Лавируя между желтыми метками, обозначающими улики, я прошла в спальню. Маленькую и идеально прибранную. Туалетный столик весь из себя белый с золотом. На крючке висит пушистенькая юбочка, объект вожделений для всех восьмилетних девочек. На туалетном столике только ароматическая свеча да пара флаконов духов — исключительно красоты ради.

Никакой смятой одежды на кровати, покрывало без единой морщинки, в продуманном беспорядке уложены четыре декоративные подушечки. Я бы до такого украшения никогда не додумалась. Видно было, что, закончив наряжаться и краситься, Ашлин все прибрала. Тщательно уничтожила все улики того, что она не сошла пять минут назад с обложки модного каталога. Дабы ее рыцарь на белом коне не дай бог не подумал, будто она родилась не прямо в таком виде. До дела не дошло, но она явно надеялась, что дойдет.

Я заглянула в стенной шкаф. Куча шмоток. В основном костюмы с юбками и нарядные платья. Все сдержанных расцветок, но непременно с броской деталью. Так обычно одеваются ведущие утренних ток-шоу, обсуждающие очередную диету, раздельное питание или правильный уход за кожей лица. Я перевела взгляд на резную бело-золотую книжную полку. Шеренга женских романов, старые детские книги, какое-то слащавое дерьмо, рассказывающее о смысле жизни через историю малыша из трущоб, научившегося летать, неожиданно несколько книг о преступности в Ирландии — исчезнувшие люди, организованная преступность, убийства; какая ирония: городская страшилка обернулась реальностью. Я пролистала книги — в просветляющем шедевре и криминальных опусах кое-где подчеркивания, но предсмертной записки ниоткуда не выпорхнуло. Я принялась за прикроватную тумбочку: в цветастенькой коробке пачка салфеток, ноутбук, зарядное устройство, тут же шесть непечатых презервативов. Взгляд в мусорную корзину: ничего. Взгляд под кровать: ни пылинки.

Осмотр дома жертвы — это твой шанс познакомиться с тем, с кем тебе уже никогда не доведется встретиться. Даже друзьям люди рассказывают о себе далеко не все, а те о них еще меньше: не желают говорить плохо о покойных, или слишком опечалены смертью приятеля, или опасаются, что вы неправильно истолкуете его причуды. Но в жилище спадают все завесы. Тут все, что хозяин пытался утаить, перед вами как на ладони, — все, что не хотели показывать чужакам, все, что хотели прикрыть картинами на стенах и диванными подушками.

Эта квартира не дала мне ничего. Ашлин Мюррей осталась глянцевою картинкой на обложке журнала. Все здесь было устроено так, будто она жила под прицелом камер видеонаблюдения и знала, что в любой момент картинки из ее личной жизни могут оказаться в интернете.

Паранойя? Контрол-фрик? Конченная зануда?

Пожалуйста, прошу вас, как вы не понимаете...

В ту минуту она рассказала о себе больше и была живее, чем весь этот дом с его цветочками и виньеточками. Конечно, я не могла этого знать и на ней не было татуировки «будущая жертва», но факт остается

фактом: я смотрела будущей жертве в глаза, а потом отвернулась и забыла.

Когда криминалисты закончат свою работу, мы здесь еще раз всерьез все прочедем, но из общей обстановки личность Ашлин (если такая имелась) совершенно не прорисовывалась. Если мы разыщем любовника и сможем собрать против него убедительные доказательства, то была у нее личность или нет — совершенно неважно. Высокий девичий голосок, продолжавший звучать у меня в голове, все не давал покоя.

— Есть что-нибудь? — спросил Стив, стоя в дверях кухни.

— Ни хрена. Если бы ее труп не лежал в гостиной, я бы решила, что она не существует. А что на кухне?

— Кое-что. Сама взгляни.

— Слава богу. — Я двинулась за ним.

Я ожидала, что вся кухня будет в хrome и фальшивом мраморе, этакий дешевый Кельтский тигр, но вместо этого — деревянный стол, полосатая розовая клеенка, цыплятки в рамочках и полосатые фартучки, развешанные по стенам. Чем больше я узнавала об этой женщине, тем меньше знала о ней. Кухня выходила на террасу, точь-в-точь как моя. Только у Ашлин там стояла изогнутая деревянная скамья — чтобы сидеть на свежем воздухе и наслаждаться видом кирпичной стены. Я проверила дверь — заперто.

— Во-первых, это. — Стив аккуратно, одним пальцем, потянул на себя дверцу духовки.

Внутри стояли две формы для жарки, заполненные ссохшейся коричневой массой. Не то картофель, не то паста. Затем он вытянул решетку гриля. На ней лежали два черных объекта. Это могло быть что угодно — от грибной запеканки до коровьих лепешек.

— Ну и что?

— А то, что все это, конечно, пропеклось до самого основания, но не сгорело. И знаешь почему? Потому что хоть духовка и осталась включенной, но саму плиту выключили. И вот еще что.

Тарелка, полная овощей, на кухонном столе. Кастрюля с водой на одной из электрических горелок. Регулятор огня вывернут на максимум.

— Софи, — крикнула я, — тут плиту никто не выключал? Твои ребята или патрульные?

— Нет, конечно, — крикнула Софи в ответ, — а патрульным я сразу сказала: «Если вы дотрагивались до чего-то, вы сейчас же мне об этом рассказываете». Уж я нагнала на них страху. Уверена, если бы кто-то приблизился к плите, они бы мне сказали.

Я посмотрела на Стива:

— Что это нам дает? Может, любовник немного задержался и Ашлин сама выключила плиту?

Стив покачал головой:

— Может, и так. Но ты бы выключила плиту, оставив регуляторы конфорок на максимуме? И оставила бы остывать кастрюлю с водой или продолжила греть ее на маленьком огне?

— Я не готовлю. Я разогреваю в микроволновке.

— А я готовлю. Ты ни за что не станешь выключать плиту целиком, особенно если ждешь опаздывающего ухажера. Ты будешь держать кастрюлю на маленьком огне, чтобы бросить туда овощи в тот момент, когда объявится твой гость.

— То есть ты думаешь, что выключил ее наш парень?

— Похоже на то. Он не хотел, чтобы сработала противопожарная сигнализация.

— Софи, ты не могла бы распечатать для меня фотографию настенного выключателя плиты?

— Да. Конечно.

— Вы искали здесь отпечатки обуви?

— Нет. Я хотела, чтобы вы двое там до этого как следует потоптались. Чтобы моя работа стала поувлекательней. Разумеется, мы первым делом попытались отыскать следы обуви. Вчера вечером шел дождь, и любой, кто прошел бы во влажных ботинках, обязательно наследил бы. Но здесь так натоплено, что все следы высохли задолго до нашего приезда, если они даже были. Нашлось только несколько комочков грязи тут и там, да и их вполне могли занести патрульные. В любом случае их недостаточно для четкой идентификации.

Образ героя-любовника начал приобретать новые очертания.

До этого я представляла себе его эдаким сопляком, который немного неудачно решил проучить свою девушку и теперь сидит у себя дома, обделавшись от страха, ждет, что мы явимся с минуты на минуту, и готовится клясться и божиться, что это она во всем виновата. Но такой тип был бы на расстоянии выстрела от дома Ашлин еще до того, как ее тело упало на пол. Ему ни за что не удалось бы сохранить хладнокровие и ясность мысли.

— А наш парень головы не теряет.

— О да! — согласился Стив с воодушевлением, будто умирает с голоду, а перед ним вдруг водрузили аппетитное блюдо. — Парень избил свою девушку. Он не знает, жива она или нет, но достаточно спокоен, чтобы подумать о сигнализации и духовке. Если это его первое преступление, то он просто самородок.

Противопожарная сигнализация была прямо над нами.

— А зачем ему понадобилось с ней возиться? Ну сгорело бы здесь все дотла и прихватило с собой все улики. Могло повезти, и мы не сумели бы понять, что это убийство.

— Может, это как-то связано с его алиби? Если бы сработала сигнализация, то здесь очень быстро оказались бы люди. Может, он хотел, чтобы тело обнаружили как можно позже, ведь так труднее установить точное время смерти. А по какой-то причине для него это важно.

— И зачем тогда было нам звонить? Она могла пролежать целые сутки, а то и больше, прежде чем ее кто-нибудь обнаружил бы. И тогда о точном времени смерти и речи бы не шло. В лучшем случае нам удалось бы его установить с точностью до двенадцати часов.

Стив взъерошил волосы.

— Запаниковал?

Я неопределенно фыркнула. Наш герой-любовник менялся, как картинка в калейдоскопе: вот он слабак и неврастеник, вот полностью владеет собой, а вот снова неврастеник.

— Он абсолютно спокоен на месте преступления, но потом вдруг слетает с катушек настолько, что звонит нам?

— Да большинство людей чокнутые. — Стив осторожно нажал острием карандаша на контрольную кнопку сигнализации, послышался короткий сигнал: работает. — И кто сказал, что звонил именно он?

— Предположим, он бежит к кому-то, — принялась рассуждать я, — к другу, брату, папочке, и все ему выкладывает. А того начинает мучить совесть. Ему не хочется, чтобы Ашлин умерла, если ее еще можно спасти. И оставшись один, этот «кто-то» звонит нам.

— Тогда неплохо бы его отыскать.

— Ага.

Я вытащила из кармана блокнот и записала: «Круг знакомств подозреваемого. Срочно». Как только мы разыщем нашего любовника, понадобится список всех его родных и друзей. Детективы очень нуждаются в совестливых ребятах.

— И вот еще что, — сказал Стив. — Обрати внимание. Овощи так и не поставили на огонь, а бутылка с вином не откупорена. То есть, как мы и сказали, он только успел войти в дверь.

Я засунула блокнот в карман и прошла по кухне. Буфет с фаянсовым сервизом в цветочек, почти пустой холодильник: обезжиренный йогурт, морковка и фруктовый пирог, явно припасенный на десерт. О характере некоторых людей вполне можно судить по их кухне. К Ашлин это явно не относилось.

— Ты прав. И что?

— А то, что у них даже не было времени на ссору. Это же не супруги, которые уже лет десять собачатся, а потом он забывает купить пакет молока и — бац, голова об каминную полку. У этих разгар ухаживания, когда каждый старается вести себя паинькой. Из-за чего может разгореться бойня прямо на пороге?

— Ты хочешь сказать, что никакой ссоры не было, а он все спланировал заранее? — Я приподняла крышку мусорного контейнера. Пакет из «Маркс и Спенсер» и пустая упаковка из-под йогурта. — Не похоже. Так мог бы вести себя только законченный садист. Из тех, что случайно выбирают жертву и убивают просто для кайфа. Но такой не остановился бы после одного удара.

— А я и не говорю, что он пришел сюда только затем, чтобы убить ее. Совсем не обязательно. Я только хочу сказать... — Стив внимательно разглядывал дурацкого китайского кота-болванчика, машущего нам лапой с подоконника. — Я только хочу сказать, что это странно.

— Ну, может, нам и в самом деле повезло.

На кухонном шкафчике розовел приклеенный листок: «Химчистка, туалетная бумага, салат-латук».

— Возможно, конфликт разгорелся еще до его прихода. А где ее телефон?

Я забрала у криминалистов мобильный Ашлин и вернулась с ним на кухню. Стив встал у меня за плечом, чтобы читать вместе. Когда так делает кто-то еще, я прямо бешусь, но Стиву удавалось не дышать мне в ухо.

К счастью, Ашлин не установила пароль, и смартфон ожил от простого нажатия на кнопку. На экране высветились два неп прочитанных сообщения, но сначала я просмотрела список контактов. Среди них не оказалось ни Мамы, ни Папы, но имелся номер для звонка в экстренных случаях. Звонить надо было некоей Люси Риордан. Я записала номер в блокнот. Люси посчастливится произвести формальное опознание. Потом я открыла сообщения и принялась разбираться с несостоявшимся ужином.

Нашего героя-любовника звали Рори Феллон. Он должен был явиться на ужин вчера, в восемь вечера. Возник он в телефоне Ашлин около семи недель назад, в первой половине декабря. *Было очень приятно познакомиться. Надеюсь, ты хорошо провела вечер. Ты не занята в пятницу вечером? Может, сходим куда-нибудь выпить?*

Ашлин не позволила так легко себя уломать. *В пятницу у меня дела. Может, в четверг.* А когда он несколько часов не отвечал на ее сообщение, написала: *Упс. Четверг уже занят.* Она изводила его по всем правилам дрессуры. Заставляла прыгать сквозь горячие обручи и ходить по проволоке. Меняла даты, часы и места свиданий. Но в конце концов пошла с ним выпить. Он позвонил ей на следующий день, однако она ответила только на третий раз. Он умолял позволить ему пригласить ее в дорогуший ресторан. Это тоже далось ему непросто. В первый раз она отменила все утром, за несколько часов до встречи (*Прошу прощения. Сегодня вечером я занята!*), и заставила перенести свидание на другой день. Где-то в этом доме мы наверняка наткнемся на экземпляр «Правил по укрощению мужчин».

Не понимаю я, где женщины берут время на эти игры и почему мужчины на них ведутся. Вся эта чушь хороша для подростков, а не для взрослых. И если не складывается — значит, не складывается. А когда начинаются игры, то на первых порах это очень увлекательно —

приятно, когда парень бежит за тобой, как котенок за бантиком, — но потом игра заходит слишком далеко и, как результат, в твоём доме ошивается толпа детективов из Убийств. Захватывающие игры Ашлин перемежались напоминаниями о предстоящем визите к дантисту, обменом мнениями с Люси Риордан об «Игре престолов», просьбой коллеги с работы восстановить пароль его электронной почты, потому что кто-то хакнул его компьютер. Короче, на этом фоне даже поход в ресторан выглядел грандиозным приключением.

Приглашение на ужин дома, должно быть, она сделала лично или в телефонной беседе, благо звонков от Рори было великое множество. На некоторые Ашлин отвечала, на другие — нет. И никогда не звонила ему сама. Но подтверждение он прислал. Вот смс, вечер вторника: *Привет, Ашлин! Просто для проверки. Все в силе у тебя дома в субботу в 8? Какое вино мне принести?*

Она промучила его целый день и ответила только на следующий вечер: *Да. Суббота в 8. И не надо ничего приносить Просто приходи :-)*

— Если он явился без дюжины алых роз, — сказала я, — то у парня могли возникнуть большие проблемы.

— По-моему, он как-то об этом не подумал, — ответил Стив. — Здесь никаких цветов.

У нас обоих были на памяти убийства, которые случались и по менее серьёзным поводам.

— Это может объяснить, почему все произошло так быстро. Он приходит. Она видит, что у него в руках ничего нет...

Стив покачал головой:

— И что? Судя по их переписке, она не из тех, кто велит ему проваливать и не возвращаться без букета. Она вела бы себя пассивно-агрессивно. Дала бы ему самому гадать, что же он сделал не так.

Стив всегда высказывает свои возражения так деликатно, что у меня возникают сомнения, достаточно ли я хороша для него.

— Действительно. Стоит ли удивляться, что в конце концов ее убили.

Иногда мне кажется, что если я проработаю со Стивом достаточно долго, то сама превращусь в душечку.

Со своей подругой Люси Ашлин отбрасывала игры в неприступную красотку. Вчера, 18:49:

Господи, я так счастлива, что это даже неприлично!!! Одеваюсь, держу в руках штопор и пою в него, будто в микрофон. Как девчонка. Только девчонки поют в щетки для волос. Скажи, я жалкая?

Люси отвечает сразу:

Это зависит от того что ты поешь :-)

Бейонсе

Могло быть и хуже... Но только не «Надень мне на палец кольцо»!

Нееет!!! Управляй миром!

Тогда ты в порядке. Но не пичкай его салатом и галетами. Ты же не хочешь, чтобы он умер от голода до того, как ты воплотишь все свои коварные замыслы:-)

Ха-ха очень смешно. жарю антрекот

Ооо! гордон рэмзи?

Привет от маркса и спенсера

Сойдет. Развлекись по полной! и будь осторожна, ок?

Хватит волноваться! Завтра я все тебе расскажу! Xxx

Последнее сообщение отправлено в 19:13. Надо было еще наложить шестой слой косметики, сбрызнуть волосы лаком, поставить в духовку ужин из кулинарии «Маркс и Спенсер», сменить Бейонсе на что-то более романтичное и зажечь ароматические свечи до того, как в дверь позвонят.

— Будь осторожна, — проговорил Стив.

Люси наверняка расскажет, что ее тревожило. Вспомнит, что Рори повел себя очень агрессивно в пабе, когда ему показалось, что Ашлин засматривается на других парней. Или как в ресторане ей пришлось просидеть весь вечер в пальто, потому что он считал, что у ее платья слишком глубокий вырез. Или как среди общих приятелей ходил слухок, что он ее поколачивает, но Ашлин утверждала, что все это высосано из пальца, а на самом деле он очень милый, просто с ним нужно уметь поладить.

— Всегда одно и то же, — сказала я. — В следующий раз, когда моя мамочка спросит, почему я все еще одна, расскажу ей об этом деле. Или о предыдущем. Или о предпредыдущем.

У голубков вышла размолвка. Как и предполагали патрульные. Наш мальчик Рори сам подал себя на блюде, даже яблочко умудрился

засунуть себе в рот. И все это для нас. Я должна была понять это сразу, еще в отделе, но все равно казалось, будто мне съездили по зубам.

Дела о домашнем насилии, как правило, яснее ясного. Вопрос не в том, сможете ли вы поймать вашего парня, а в том, сможете ли вы выстроить дело так, чтобы оно не развалилось в суде. Многим такие дела даже нравятся, но не мне. Процент раскрываемости, конечно, растет, на груди заводится нечто поблескивающее, но уважения в отделе это не добавляет. Ведь все знают — раскрыть такое преступление нетрудно. И это еще одна причина, по которой я терпеть не могу ими заниматься. Ты прикончил свою жену, или мужа, или того, кто случайно прыгнул с тобой в постель. И что же, по-твоему, произойдет дальше? Думаешь, мы застынем от неожиданности с разинутыми ртами? Будем ломать голову над этим преступлением века? *Ребята, это дело рук мафии, не иначе, а?* Ошибочка! Мы заявимся напрямик к тебе, отыщем гору улик и запрем тебя на пожизненное. Если тебе приспичило кого-то убить, то прояви, пожалуйста, хоть немного уважения ко мне и сделай это не как самый предсказуемый недоумок на свете.

Впрочем, кое-что в телефоне не подходило под предположение о непроходимой тупости убийцы. После переписки в стиле мур-мур да шур-шур никаких входящих и исходящих сообщений не было примерно час. А в 20:09 от Рори: *Привет, Ашлин! Я стою у дома 26 по Викинг-Гарденз, звоню, но дверь не открывают. Я пришел по верному адресу?*

Сообщение осталось непрочитанным.

Стив прокомментировал время сообщения:

— Он не опаздывал. Незачем ей было выключать духовку.

— М-м-м...

В 20:15 Рори звонит Ашлин. Она не отвечает.

Он снова звонит в 20:25.

В 20:32 новое сообщение: *Привет, Ашлин! Может, я перепутал день? Я думал, что ты меня позвала сегодня на ужин, но тебя нет дома. Когда у тебя будет свободная минутка, расскажешь мне, что произошло?*

И это сообщение осталось непрочитанным.

— Ну да. Конечно, — хмыкнула я. — Он прекрасно знает, что ничего не перепутал. Если бы ему захотелось проверить, то у него есть

смс с приглашением.

— Он пытается взять вину на себя. Мол, в неудачном свидании виноват сам. Боится рассердить Ашлин.

— Или знает, что эти сообщения попадут к нам, и хочет донести до нас, что он всего лишь милый парень, белый и пушистый, и в жизни не смог бы ударить по лицу свою девушку, даже если бы он зашел в дом, а он не заходил никогда, клянусь богом, детектив, просто посмотрите в мой телефон, видите все эти сообщения?

Излюбленный прием замешанных в бытовухе: сперва наворотить дел, а потом сочинять отмазки. И зачастую такое прокатывает. Не с нами, а с присяжными. Рори Феллон все делает правильно. Много звонков, сообщений. Он хочет показать, что упорно пытался выйти с Ашлин на связь. Но после 20:32 тишина. Прямое указание — он не шатался вокруг дома, не пытался ее выследить. Парень действительно не конченный идиот.

— Что ж, это хотя бы поможет нам уточнить время смерти, — сказал Стив. — Ашлин переписывалась с Люси почти до четверти восьмого, а в восемь десять уже была мертва.

Я оторвалась от телефона:

— Ты думаешь, что это может быть принято как доказательство?

Стив неопределенно повел подбородком.

— Нет, наверное.

— Да ладно тебе. Кто-то заскочил в дом, чтобы убить в то самое время, когда Рори должен был явиться за своим стейком? Ты серьезно?

— Вероятнее всего — нет. Но... У нас тут не все сходится. Я просто не хочу отбрасывать никакие версии.

Господи Иисусе! Бедный маленький Стиви! Пытается доказать, что мы тут наткнулись на нечто особенное, и теперь тучи разойдутся, улыбка осветит мое лицо, я забуду, что собиралась поговорить со своим приятелем из охранной фирмы, и мы будем жить долго и счастливо. А я не могу дождаться, когда мы уже закроем это дело.

— Ну что ж. Давай разыщем Рори Феллона и все выясним. Если нам повезет и он окажется той тряпкой, каким я его себе представляю, он быстро расколется и у меня еще останется время на пробежку, еду и сон.

Стив уставился на меня:

— Ты что, хочешь поехать к нему прямо сейчас?

— Да. А у тебя есть другие идеи?

— Я думал, мы сначала заглянем к подруге жертвы, этой самой Люси. Если она что-то знает, то хорошо бы нам выяснить все до того, как мы начнем с Рори. Чтобы быть во всеоружии.

Разумно, если бы мы расследовали настоящее убийство и имели дело с хитрым маньяком, который прячется во тьме и только и ждет, когда мы оступимся, а не с мелким подонком, который сжал свои кулачки и излил весь свой гнев на подружку. Такой недоносок заслуживает, чтобы мы срезали путь где только возможно. Но взгляд у Стива был до того щенячье-несчастный, что я подумала: «Какого черта. Он ведь тоже скоро перегорит. Зачем же ускорять этот процесс?»

— Ладно. — Я выключила телефон Ашлин и опустила его в пакет для улик. — Давай навестим Люси Риордан.

Стив тут же развернулся к выходу. Свежий воздух ворвался на кухню, пропитанную густой вонью подгоревшего мяса.

Софи, сидя на корточках рядом с камином, брала образцы крови.

— Все, больше не будем вертеться у тебя под ногами, — сказала я. — Если найдешь что-то, о чем нам следует знать, позвони.

— Обязательно. Но пока что у меня пусто. Твоя жертва серьезно подготовилась к званому ужину и тщательно все прибрала. Каждая поверхность старательно протерта. И это хорошо, потому что если вы, ребята, оставили здесь свои отпечатки, то мы всегда сможем доказать, что они свежие. Пока что у нас есть только фига с маслом. Похоже, вы были правы, наш парень действовал в перчатках. Молитесь, чтобы это было не так.

— Ясно. И вот еще что. С минуты на минуту здесь должен объявиться Дон Бреслин.

— Великолепно. Попытаюсь унять сердцебиение. — Софи бросила мазок в пробирку. — За каким чертом он тебе сдался?

— Шеф считает, что нам нужен человек, умеющий работать со свидетелями.

Софи подняла голову и внимательно посмотрела на меня. Я пожала плечами.

— Или еще из-за какой хрени. Понятия не имею. Но Бреслин будет вести это дело вместе с нами.

— Необычно. — И Софи принялась взбалтывать пробирку.

— Он всего лишь прикомандирован к нам. Поэтому, если найдешь что-то важное, сообщи мне или Морану. И если никто из нас не ответит на звонок, будь поупорнее. Договорились?

Одна из причин, по которой мы так долго не могли закрыть дело с румынами и о которой мы не собираемся сообщать О'Келли, заключалась в том, что когда свидетельница наконец-то набралась храбрости позвонить в отдел, ее звонок так до нас и не дошел. В следующий раз она позвонила только через две недели. И это делает ей честь. Многие на ее месте решили бы просто плюнуть и забыть. Она сказала, что в отделе с ней разговаривал какой-то парень с ирландским акцентом (под это описание подходят все, кроме меня), пообещавший все передать по адресу. Не думаю, что это был именно Бреслин, но я не настолько ему доверяю, чтобы рискнуть раскрытием еще одного дела.

— Без проблем. — Софи оглядела своих работников: — Конвей, Моран и никто другой. Ясно?

Все кивнули. Криминалистам насрать на детективов и их внутренние склоки. Большинство из них считают нас разбалованными прима-балеринами, которым неплохо бы для разнообразия разок заняться настоящим делом. Но они сделают все, что скажет им Софи. Бреслин от них не добьется ни слова.

— То же касается ее телефона и ноутбука, — сказала я. — Когда пробьете ее почтовый ящик, фейсбук или что угодно, я хочу, чтобы это оказалось прямо у меня.

— Ясно. У меня тут есть один компьютерщик, который умеет слышать, что ему говорят. Я позабочусь, чтобы этим занялся он. — Софи бросила пробирку в сумку для улик. — Будем держать вас в курсе.

Уже от двери я кинула последний взгляд на Ашлин. Софи убрала волосы с ее лица, чтобы взять мазок — надеется найти в ране ДНК убийцы. Смерть начала проступать на лице убитой: челюсть отвисла, глаза ввалились. Но и в таком виде она бередила мою память. *Пожалуйста, прошу вас, как вы не понимаете...* И мой ответ, почти с удовольствием: *Извините, ничем не могу вам помочь.*

— Когда я ее видела в прошлый раз, она меня довела до бешенства, — сказала я.

— Поступком или словами? — спросил Стив.

— Не помню. Но что-то было...

— А может, и не было. Когда ты в подходящем настроении, взбесить тебя — пара пустяков.

— Да пошел ты.

— А он мне нравится, — крикнула вдогонку Софи. — Можешь его оставить.

Мои мысли были целиком заняты тем, где же я видела жертву раньше, потому я оказалась не готова.

Из двери я шагнула прямо к нацеленному на меня микрофону, едва не лишившись глаза, шум вокруг напоминал лай собачьей своры. Толком не успев сообразить, что происходит, я ринулась вперед со сжатыми кулаками и тут же услышала щелканье фальшивого затвора на смартфоне.

— Детектив Конвей, у вас уже есть подозреваемый? Это серийный убийца? Жертва подверглась сексуальному насилию?

Журналисты бывают очень полезны. У каждого из нас есть среди них свои ребята. Ты даешь им наводки, они сливают то, что ты считаешь нужным слить, а взамен делятся информацией. С прочими акулами пера мы держимся настороженно. Все знают, где проходит граница, никто ее не нарушает, и потому все счастливы. За одним исключением — Льюис Краули. Этот маленький говнюк работает в гнусной газетенке «Курьер», которая специализируется на смаковании дел об изнасилованиях, чего не может позволить себе ни одно приличное издание. Его читатели, наверное, тащатся от приливов праведного гнева или от приливов чего-нибудь еще. Краули и выглядит как помесь поэта с извращенцем: грязный плащ поверх вечно мятой рубашки, сальная лысина с начесом и лицо, вечно выражающее попранную праведность. Да я скорее стану чистить зубы напильником, чем скину ему хоть что-то.

— Выслеживал ли преступник свою жертву и должны ли жительницы этого района принять меры предосторожности? Наши читатели имеют право знать.

Диктофон прямо в лицо, смартфон непрерывно фотографирует. От его лысины несет каким-то вонючим парфюмом. Краули подступил почти вплотную ко мне. Я умудрилась не двинуть прямо ему в рыло, когда протискивалась мимо. Неохота потом месяцами строчить рапорты. За моей спиной Стив добродушно бубнил:

— Без комментариев. Без комментариев, без комментариев. Без комментариев по поводу без комментариев.

И снова стайка мальчишек, стоящих с разинутыми ртами. Дрожание тюлевой шторы. Уличный холод после жарко натопленного дома обжигал. Краули едва успел убрать руку с диктофоном от захлопывающейся двери машины. Я подала назад и выехала, даже не глянув на дорогу.

— Вот же мелкое дерьмо, — сказал Стив, отряхивая пиджак, как будто на него упала перхоть с лысины Краули. — Очень вовремя. Как раз успеет к вечернему выпуску.

Детективы отказались опровергнуть слухи о маньяке. Детективы не отрицают возможности появления нового серийного убийцы. Террор против женщин района? Детективы: «Без комментариев».

Я понятия не имела, куда мы едем, адреса Люси Риордан у нас не было, но все равно гнала как на пожар.

Детективы сожалеют, что заехали журналисту в его поганую рожу.

В последнее время Краули слишком часто и слишком быстро оказывается на моих местах преступления. Я с ним уже как-то поцапалась. В тот раз он пытался вытянуть подробности из подростка, который видел, как его папаша-дилер получил две пули в затылок. Я тогда сказала говнюку, что если он не отвалит от ребенка, я арестую его за препятствование следствию. Краули удалился, бормоча под нос о полицейском произволе, свободе прессы и Нельсоне Манделе. И я вовсе не одна такая. Добрая половина полицейских в городе велела Краули проваливать, поэтому вроде бы у него нет поводов мстить мне лично. Но даже если в его крохотном мозгу произошла фиксация именно на моей особе, это не объясняет, как ему удается узнавать о моих расследованиях с той же скоростью, что и мне.

Конечно, у журналистов есть свои способы добывать информацию, и таким они с нами не делятся. У Краули наверняка имеется сканер, настроенный на полицейскую волну в рабочие часы и на частоты секса по телефону во все остальное время. И все же стоит попробовать выяснить.

Невозможно работать в Убийствах, если у тебя нет дара проникать под кожу другому человеку, извиваться там и мучить его, пока он не выложит все, что знает, только бы избавиться от тебя. Ты должен быть

готов к этому и должен желать сделать это, даже если напротив тебя сидит заплаканный ребенок, потрясенный смертью отца. Ни я, ни Стив не являемся исключением из правила, хотя Стиву очень хочется думать, что он-то как раз является. Я не слишком удивилась, когда впервые поняла, что некоторые парни пользуются этим умением не только для допросов. Такая черта прирастает к тебе, как пистолет к бедру. Когда кобура пустая, ты ходишь скособоченный. Есть такие, которые просто не могут вести себя иначе. Они пользуются этим, чтобы добиваться нужного, и готовы пройти по голове у любого, кто встанет у них на пути, или сломать того, кого посчитают нужным сломать.

Стив молчал, и это правильно с его стороны. Я даже не заметила, как заехала в Феникс-Парк, — может, из-за того, что это единственное место, где я могу спокойно вести машину, не бесясь из-за пробок и идиотов. Дорога шла прямо, между широкими лугами и рядами огромных старых деревьев. Наша машина дребезжала от натуги, словно мы ее вот-вот загоним.

Я сбросила скорость и аккуратно съехала на обочину, предварительно посигналив габаритами.

— Нужен адрес Люси Риордан. У меня есть номер ее мобильного.

Мы вытащили наши телефоны. Стив позвонил своему человеку в телефонную компанию и включил громкую связь. Раздались длинные гудки. Из-за деревьев на нас смотрел олень. Я сообразила, что так и не сняла бахилы. Хорошо еще, что нога не соскользнула с педали и мы никуда не врезались. Я стянула их и кинула на заднее сиденье. Солнечный свет все еще пробивался едва-едва, словно рассвет только что наступил.

2

Приятель Стива сообщил домашний адрес Люси Риордан в Ратмайнсе, место работы — театр «Фонарь» и дату рождения, из которой следовало, что ей двадцать шесть лет.

— Сейчас только половина девятого, — сказал Стив, — она должна быть дома.

Я проверила голосовую почту. Новое сообщение. Просто жду не дождусь прослушать.

— Да она еще не проснулась, как и все нормальные люди в воскресное утро. — Парк меня раздражал. Небо за окном машины было совершенно пустым, ни одной птицы, огромные деревья, казалось, сжимают вокруг нас кольцо. — Ты поведешь беседу.

Из-за того что у меня нет законных оснований арестовать Краули, или дать ему в морду, или сказать шефу, куда он может засунуть себе криминальную бытовуху, я готова откусить голову первому встречному. И мне не очень хочется, чтобы им оказался наш главный свидетель. Обычно я не такая. Конечно, характер у меня не сахар, но я умею владеть собой вне зависимости от того, как погано мне. Даже в детстве, совсем еще маленькой, я умела терпеливо ждать, пока намеченная жертва не объявлялась в поле зрения, а затем спокойно выбирала нужный момент и дистанцию, чтобы разобраться с гадом. Однако после перехода в Убийства я подрастеряла это свое свойство. Срывов пока не случалось, но по чуть-чуть, понемногу я начинала слетать с катушек. За последние месяцы несколько раз мой характер только чудом не вырвался на волю и не сотворил бардак, последствия которого я бы разгребала всю оставшуюся жизнь. Недавно я едва не сказала свидетелю, что его тупость несовместима с жизнью. Даже рот уже открыла, спасибо, встрял Стив с каким-то пустячным вопросом. Но в один прекрасный день его не окажется рядом, чтобы вовремя схватить меня за руку, — я точно это знаю. А еще я точно знаю, что в этот самый момент весь отдел набросится на меня, как стая голодных акул. Они разнесут эту историю по всем полицейским участкам, станут смаковать, как мою непристойную фотку, и каждый божий день,

до самого конца моей карьеры кто-нибудь будет тыкать меня лицом в грязь.

Убийства — не то что другие отделы. Наш отдел работает с точностью часового механизма. Заточен и беспощаден, как бритва. Гибок и стремителен. Похож на большую кошку в прыжке или на хорошо пристрелянное ружье. Когда я проходила практику в качестве патрульной при Главном управлении, некоторых из нас отправляли в Убийства для всякой мелочевки. Вести протокол или обходить квартиры. Но даже мельком глянув на работу Убийств, я уже не могла отвести взгляда. Я влюбилась.

Вот только за время моей работы тут кое-что изменилось. Как выяснилось, механизм отдела отлажен столь точно, что принимает далеко не каждого. Нрав у кошечки оказался колючий и дикий, и отдача у ружья, как выяснилось, неслабая. Я пришла в неподходящее время и очутилась не там, где нужно.

Во-первых, у меня нет хрена, а это главный инструмент в раскрытии убийств. За все время существования Убийств тут служило не более полудюжины женщин. Уж не знаю, сами они сбежали или им придали ускорение, но к моему приходу ни одной в Убийствах не было. Некоторые парни считали это нормальным порядком вещей. Им казалось просто наглостью с моей стороны расхаживать здесь, как будто я имею на это какое-то право. Меня следовало проучить. Так думали далеко не все — вначале, по крайней мере. Но тех, что думали так, мне хватало. Первые недели они изучали меня, как хищники изучают свою жертву, запертую в клетке. Сначала это были мелочи — шуточки типа «сколько женщин нужно для...», замечания о том, что я веду себя так, будто у меня бесконечный пмс, намеки, как же я должна быть хороша во всем, раз сумела заполучить это место. Просто чтобы посмотреть, стану ли я смеяться вместе с ними. Как любые хищники, они хотели, чтобы жертва вела себя смирно, послушно сносила оскорбления, чтобы и не помышляла восстать — она должна молча делать все, что скажут.

Издевались они даже не потому, что я женщина. Это просто сидит у них внутри, им кажется, что унижения — самый легкий способ избавиться от меня, это чистый инстинкт хищника. Повторялось то, через что я прошла в школе, где была единственным смуглым ребенком в лилейно-белой Ирландии, и понятно, что меня тут же